

ЦЕННОСТЬ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭЗИИ ПУШКИНА

Первоначально Пушкин был носителем политического идеала свободы, уже достаточно хорошо известного русскому обществу. Деятельность Пушкина совпала по времени с деятельностью декабристских обществ, и хотя поэт не разделял многих идей своих друзей из этих обществ, однако идеалы политической свободы и личной гражданской свободы были ему очень близки. Политическая зрелость Пушкина была продемонстрирована им в известном стихотворении «К Чаадаеву», а также в оде «Вольность» и в стихотворении «Деревня». Пушкин в этих стихах совершенно определенно высказывался о свободе как условии гражданской жизни. Здесь нет еще никакой метафизики свободы, а есть только преклонение перед святостью свободы и сознание ее необходимости как для человека, так и для общества. В художественном отношении названные стихотворения получают свои достоинства посредством реализации исключительно внешних вещей – идеала свободы и страстного желания поэта реализовать этот высокий идеал. Понимание свободы и общий освободительный пафос названных стихотворений определились просветительской идеологией конца XVIII в. и начала XIX в. и в особенности, как нам кажется, влиянием «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В оде «Вольность» Пушкин пишет:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье...
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!

Это исключительно политически-правовое понимание свободы, берущее начало из античной политической истории и обоснованное в Новое время концепцией естественного права.

Такое понимание свободы вступало в резкое противоречие с российской действительностью, и политическое рабство в России Пушкин считал общественным злом. Достаточно абстрактное представление о свободе дополнялось у Пушкина, как и у Радищева, картиной экономического притеснения крепостного крестьянства. В «Деревне» (1819) мы читаем:

Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде Невежества убийственный Позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное Судьбой,
Здесь Барство дикое, без чувства, без Закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь Рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого Владельца...

Политическое и экономическое рабство, как уничтожающие человеческое достоинство факторы, побуждали поэта к защите свободы, как естественной принадлежности человеческой природы. Однако такое, политическое понимание свободы нельзя относить к разряду художественно-философских интуиций свободы: оно было воспринято Пушкиным и его современниками из просветительских трактатов или же явилось следствием осмысления политических событий в Европе и поэтому в очень малой степени характеризовало самосознание русского общества. Только обращаясь к этому самосознанию, Пушкин становится оригинальным, а его трактовка свободы приобретает характер художественно-философской интуиции.

Самосознание русского общества, как и самосознание отдельной личности в России, находились в стадии формирования, и поэтому их воспроизведение представляло собой сложную задачу, решение которой требовало как раз той формы сознания, которую мы называли художественно-философской интуицией, прозрением метафизических и реальных сторон явления. Мы должны учитывать то обстоятельство, что носителем общественного сознания было дворянство, а точнее, его отдельные представители, и поэтому неудивительно, что художественно-поэтические интуиции должны были относиться, прежде всего, к индивидуальному сознанию, принадлежать индивиду-дворянину. Таким образом, художественно-поэтические интуиции общественных ценностей, в частности свободы, должны были раскрывать не только общественное, объектив-

ное содержание этих ценностей, но прежде всего личное, субъективное содержание. По мере развития и углубления поэтического таланта Пушкина и признания его первым русским национальным поэтом-художником наблюдается постоянное движение от общественных, объективных и абстрактных ценностей к ценностям личным, субъективным и в результате – к конкретным формам реализации этих ценностей. К примеру, в творчестве двадцатипятилетнего или тридцатилетнего Пушкина мы уже не встретим стихотворений, подобных оде «Вольность» или «Деревня», и причиной здесь были совсем не условия политические.

В 1820 г. Пушкин был сослан в Кишинев, а затем в Одессу. Пребывание в ссылке вызвало появление нового аспекта в трактовке свободы. Пушкин воспроизводит ситуацию исключения умственно, нравственно и творчески развитой личности из условий общественной жизни и выходит на тему нравственного насилия над личностью, ограничения ее свободы. Нравственное насилие над личностью, ограничения ее свободы. Нравственное насилие так же может разрушить личность, как и насилие физическое; нравственное насилие над свободой личности может совершить как отдельный человек, так и общество, и в результате такого насилия личность становится ущербной, о чем и писал в статье о Пушкине Гершензон. В данном случае большое значение приобретает внутренняя целостность и нравственная устойчивость личности, и в понимании свободы акцент переносится с внешних условий на внутренние. В какой-то мере осознание этого изменения акцентов отражено в цикле стихотворений, посвященных изгнанию и ссылке.

В 1821 г. Пушкин пишет стихотворение «К Овидию». Сходство судьбы Пушкина с судьбой римского поэта обуславливалось ссылкой в один и тот же край, удаленный от интеллектуальной и нравственной жизни метрополии, в результате чего творчество человека, лишённого свободы, превращалось в бессмысленное занятие. Для поэта – это утонченное убийство и мучение, вследствие чего ссылка или заключение в темницу превращаются в рабство или смерть. Именно поэтому поиск решения проблемы переносится в душу человека, во внутреннем мире он в первую очередь ищет свою свободу.

Да сохранится же заветное преданье:
Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой – участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал,

И ни единый друг мне в мире не внимал;
Но чуждые холмы, поля, и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

Поставив свободу в центр нравственной жизни человека, Пушкин во многом предупреждает творчество Лермонтова и особенно Достоевского. Лишение человека свободы и вызванное этим страдание уничтожают человека, но затем страдание порождает порыв к свободе. И здесь тоже наблюдается огромное влияние Пушкина на последующую философию русской литературы, на творчество того же Достоевского. У Пушкина этот порыв к свободе является сущностью нравственной жизни личности, субстанцией духовного процесса. И поэтому неудивительно, что все мировоззрение поэта благодаря этому лирическому мотиву расширяется до мировых размеров. В художественном отношении это создает почву для символических форм выражения идей поэта. В 1822 г. Пушкин пишет характерное для данного аспекта свободы стихотворение «Узник».

Та же страсть свободы, порыв к свободе заставляют поэта постоянно расширять мир жизни, собственную сферу обитания. Это напоминает постоянные переходы в идеальный мир Жуковского, но только между Жуковским и Пушкиным в данном вопросе существует большая разница. Для Жуковского идеальный мир – это мир мечты, тихого успокоения и прекращения нравственных страданий посредством достижения духовного единства с объектом любви, для Пушкина иной мир – это мир свободы, и этот идеальный мир существовать должен не там, а здесь. Не свободное небо, то есть идеальная сущность, а свободная земля и свободное небо, как реальные сущности, – предмет нравственного стремления поэта. Об этом идет речь в стихотворении «Завидую тебе, питомец моря смелый...»:

Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг –
Давно ли тишины вкусил отрадный миг –
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку – в нас сердца единой страстью полны.
Для неба дального, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;
Ищу стихий других, земли жилец усталый;
Приветствую тебя, свободный океан.

Лишение человека свободы означает умственную и нравственную смерть личности, поэтому у Пушкина порыв к свободе

сопровождается призывом к свободе. Борьба нашей последующей литературы и философии с мещанством за индивидуальность определялась как раз признанием права человека на свободное развитие, которое даже отождествлялось со служением идеалу. Когда Белинский говорил о том, что перед каждым человеком открывается возможность выбора пути – служить разумной идее или обыденности, он тем самым утверждал, что такой выбор предполагает в человеке наличие порыва к свободе. У Пушкина этот созидательный порыв к свободе воплощается в поэтических символах («Кто, волны, вас остановил...») (1823):

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал ваш бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Поток мятежный обратил?
Чей жезл волшебный поразил
Во мне надежду, скорбь и радость
И душу бурную и младость
Дремотой лени усыпил?
Взыграйте, ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот.
Где ты, гроза – символ свободы?
Помчись поверх невольных вод.

В то же время перенесение центра проблемы свободы в сферу индивидуальной нравственности делает слишком уязвимым для отрицания общественный аспект свободы. Оказывается, нельзя освободить людей, если они не готовы к этому. Пушкин не будет говорить, как Достоевский, о бегстве людей от свободы, но он будет констатировать факт единичности свободы в современном обществе, и неудивительно, что поэт делает весьма пессимистический вывод об общественной свободе. В 1823 г. он пишет на эту тему стихотворение «Свободы сеятель пустынный...»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.

К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Пессимизм относительно народной свободы был, очевидно, тяжелой ношей для поэта, и вывод о неспособности народов к свободе явился следствием сомнений поэта относительно возможности достижения идеалов, одновременно свидетельствуя и об отказе от тех лучезарно-светлых идеалов юности, которые владели поэтом до тех пор. Вывод был сделан поэтом в изгнании, которое расширило его жизненный опыт и позволило глубже понять людей, увидеть их реальную сущность. И как позже смертная казнь и каторга открыли Достоевскому глаза на мир и человека, так и ссылка со всеми ее последствиями открыли Пушкину глаза, наделили его дополнительным зрением. Демон посеял сомнения в светлых идеалах, и началась их переоценка, то есть уход Пушкина от абстрактного идеализма и просветительства в понимании свободы и человека. Изгнание и ссылка породили не только проблему индивидуальной свободы в творчестве Пушкина, но и обусловили пессимизм относительно свободы в обществе.

Однако состояние пессимизма и романтически-неопределенное ощущение свободы противоречили складу характера и всему мировоззрению Пушкина – настолько, что он тут же пытается преодолеть их, но делает это с учетом полученного урока. В результате понятие свободы раскрывается им в новых аспектах.

Пессимизму в отношении свободы противоречит взгляд Пушкина на отношение великой личности, гения к свободе. В качестве такого исторического гения опять рассматривается Наполеон. Внимание романтической поэзии к образу Наполеона было исключительным. Романтизм предполагал наличие героя с его демоническими страстями и ореолом титана, причем герой этот мог с равным успехом служить добру или злу, или обоим вместе. Пушкин в ранний период своего творчества испытал влияние французского и английского течений романтизма. Кроме стихотворения «Наполеон» (1815), он написал в течение трех лет четыре стихотворения, посвященных французскому императору.

Причем, если юношеское стихотворение было посвящено, как мы помним, трагической судьбе великого человека, то в стихотворении «Наполеон» (1821) представлен взгляд на Наполеона как на выразителя исторического движения к свободе,

как на того исторического деятеля, который был призван своим героизмом утвердить свободу человечества – реализовать великую цель, что дает герою право надеяться на нравственное оправдание. Нет, Наполеон – не Раскольников Достоевского, он получает нравственное оправдание именно потому, что является бессознательным выразителем свободы, и хотя его действия зачастую подавляют свободу, объективно он расчищает дорогу новому миру. Различие между Раскольниковым и Наполеоном заключается в том, что Наполеон у Пушкина не ищет для себя нравственного оправдания и, следовательно, не присваивает себе права на высшую истину, а является орудием исторической необходимости, и эту миссию он исполняет с героическим талантом и смелостью, что и сулит ему добрую память потомков и нравственно оправдывает его в их глазах. Стихотворение «Наполеон» (1821), в котором говорится обо всех злодеяниях Наполеона, Пушкин заканчивает такими словами:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

В стихотворении «Недвижный страж дремал на царственном пороге...», написанном на юге в 1824 г., Пушкин изображает двух исторических героев: Александра I – символа и носителя старого мира, «самодержца» и душителя свободы, и Наполеона – героя, расшатавшего старый мир, «Брута», противостоящего «Кесарю». Перед Александром, гордящимся подавлением Свободы, является дух Наполеона:

То был сей чудный муж, посланник провиденья,
Свершитель роковой безвестного веленья,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари.

Ни тучной праздности ленивые морщины,
Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
Ни пламя бледное нахмуренных очей
Не обличали в нем изгнанного героя,

Мучением покоя
В морях казненного по манию царей.

Нет, чудный взор его, живой, неуловимый,
То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
Как боевой перун, как молния сверкал;
Во цвете здравия и мужества и мощи,
Владыке полунощи
Владыка запада, грозящий, предстоял.

Последние слова примечательны тем, что они символически выражают мысль Пушкина: дух Наполеона ценен тем, что он олицетворяет свободу западного мира, возникшую вследствие революционных потрясений и завоеваний Наполеона. Пушкин в 1824 г. понял историческое значение Наполеона, состоявшее в том, что он утвердил новый мир и безвозвратно погубил старый. Пушкин не оправдывает Александра, похолодевшего от явившегося ему духа: российский самодержец – это символ старого мира, мира угнетения и рабства, хотя как исполнителю национальной задачи Пушкин отдает ему должное. В отношении к Наполеону и Александру проявились не только способности Пушкина понять культурную жизнь других народов, но и тот всечеловеческий талант, о котором говорил Достоевский, или историческое чутье.

Изображению революционной роли Наполеона как разрушителя старого мира и его исторической роли как выразителя очищающей стихии, утверждающего свободу, посвящено неоконченное стихотворение Пушкина «Зачем ты послан был и кто тебя послал?» (1824). Здесь можно увидеть будущую экспрессию русского анархизма и последующие этические сюжеты Ницше. Наполеон предстает разрушителем здания старого мира, и хаос этого разрушения свидетельствует о необратимости хода истории. Из этого хаоса может возникнуть только новый, неведомый космос, новый мир, потому что, разрушаясь, старый мир обречен на полную нравственную гибель, которая знаменует собой либо гибель человечества, либо рождение новой жизни. Иного пути не дано, и ожидаемый ответ истории есть источник надежды на утверждение свободы, вопреки пророчествам «безумцев». Размышления и наблюдения приводили Пушкина к выводу, что «народам нужны только погремущка и бич», но пример Наполеона свидетельствовал о другом, что и отразилось в пафосе Наполеоновского цикла стихов Пушкина. Это было явным противоречием в воззрении Пушкина, и оно преодолевалось пониманием решающей роли практики свободы на проповедь свободы: такой гений, как Наполеон, это ре-

альный фактор истории, которая имеет своей целью Свободу. Борьба индивида за свои цели, если даже эта борьба ведет к свободе, и отношение народов к свободе – реальное противоречие, но оно не лишает смысла деятельность личности в интересах свободы народов, в достижении целей истории, оно не может искоренить свободу в мире и не лишает абсолютной ценности идеал свободы. На эти размышления наводит названное стихотворение Пушкина:

Зачем ты послан был и кто тебя послал?
Чего, добра иль зла, ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась.

И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали,
Явился муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел Разврат
И перед ним сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, все стало тенью –
Все было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

То обстоятельство, что народы оказываются не готовыми к свободе, не означает утверждения безответственности личности за свободу. Пушкин первым в русской литературе поставил вопрос о значении нравственного облика для сохранения личности в условиях всеобщего нравственного падения. Эта тема раскрывается в стихотворении «Андрей Шенье», одном из ключевых в творчестве Пушкина. Трагическая судьба одного из мировых гениев свободы, равного Наполеону, Байрону вызывает размышления Пушкина о трагической судьбе героя иного рода – французского поэта Андре Шенье, казненного в годы якобинский диктатуры.

Андре Шенье не участвует в битвах за свободу на полях сражений, не является активным разрушителем старого мира и символом торжествующей свободы, он просто честный человек, и его свобода заключается в согласии с самим собой, в сознании своего права на такой образ жизни, который он считает высшей ценностью человеческого существования вообще. Перед Андре Шенье открываются альтернативные пути жизни, он не лишен общих человеческих стремлений к любви, наслаждению, покою, но трагические испытания открывают перед ним бездну падения, и он приходит к сознанию, что удержаться на краю бездны, сохранить себя как личность он может, только сохранив свою честь, свои убеждения, личную независимость. Эти нравственные качества не являются исключительно личным достоянием человека, и заслуга Андре Шенье, по мнению Пушкина, как раз и состоит в сознании данного факта. Трагическая борьба между личным счастьем и общественным долгом заканчивается апофеозом силы поэтического слова, прославляющего свободу, что свидетельствует о том, что Пушкин рассматривал проблему назначения поэта и в нравственном аспекте. После ярких картин торжествующей свободы и ужасов сменившей ее тирании, Шенье не сомневается в конечном торжестве свободы, которая придет «опять с мщением и славой», и народ опять обретет свободу. И далее он говорит:

Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?..

Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!..

Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты, слово, звук пустой...
О нет!
Умолкни ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет...

Пушкин обратился к самому трагическому моменту в жизни Шенье, к той точке жизни, где бытие смыкается с небытием. Впоследствии к этому приему часто прибегал Достоевский. В этот момент, когда Шенье остается наедине с самим собой и когда он сбрасывает с себя все условные внешние формы, он способен раскрыть свою сущность, свою природу; и случай с Шенье показывает, что природа этого человека заключена в свободе и в служении свободе. Вопрос о свободе – это вопрос нравственный и поэтому личный, и человек не должен ждать, пока его освободят, если он не готов к свободе, если он не готов освободить себя сам.

Если сравнить «Андрея Шенье» Пушкина и «Шильонского узника» Жуковского, то, несмотря на общность предмета, мы увидим, насколько различаются трактовки свободы в творчестве этих поэтов. Герой поэмы Жуковского находится в состоянии почти мистического ужаса пред небытием, он чувствует, но еще не сознает цену свободы и не знает, кто должен ее заплатить; герой стихотворения Пушкина уже понимает, что только свобода делает человека человеком, и готов заплатить за нее лично. Вследствие этого понимания, а не только из-за чувства свободы, герой освобождает себя сам, и его личное небытие (которое само по себе ужасно) является актом действительной свободы, а потому погибающий поэт выражает не ужас, а только сожаление о красоте личных переживаний и неисполненных творческих замыслах. В примечании к стихотворению Пушкин приводит историческое свидетельство о том, что, когда Андре Шенье и другого поэта Ш. Буле везли на казнь в одной телеге, они беседовали о красоте поэзии и читали первую главу «Андромахи» Расина.

Ответственность человека за свободу и долг перед свободой, как критерии нравственного и умственного развития человека, это то открытие в области общественного и нравственного познания, которое сделал Пушкин, и художественные образы, раскрывающие эту идею, имели большое воспитательное значение для русского общества XIX в. Все освободительное движение в России XIX в. инициировалось отдельными личностями. Наличие значительного контингента людей, стремящихся к личной свободе и осознающих ее абсолютную ценность, было основой развития русской культуры после Пушкина.

Пушкин придавал свободе метафизическое значение. Свобода, которая, к сожалению, не воплощается в народной жизни или проникает в нее с большим трудом, составляет сущность не только человека, но и природы. Пушкин ищет свободу, он славит свободу, он призывает к свободе. Метафизика свободы

состоит в том, что она первичнее бытия, – скажет впоследствии Бердяев. Пушкин был первым, кто поэтически выразил эту мысль в России. Он говорил о стихии свободы. Стихия свободы охватывает народы. Народ, «впитавший раз такой нектар освященный, все ищет вновь упиться им», стихия свободы смеет и ниспровергает все старое, она есть «перерождение земли». Стихией свободы наполнена вселенная, земля, природа. В 1824 г. Пушкин пишет стихи, раскрывающие стихию свободы в природе. Это известное стихотворение «К морю», в котором Пушкин обращается к морю, называя его «свободной стихией», и, говоря о поэзии Байрона, сравнивает гений поэта, певца моря, с воспеваемой им стихией:

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты могущ, глубок и мрачен,
Как ты ничем неукротим.

Приведенный отрывок примечателен тем, что Пушкин здесь указывает не только на величие стихии свободы в природе, но и на ее творческое, благотворное влияние на человека. Впоследствии русский гегельянец Михаил Бакунин заметит в философии Гегеля разрушительную, но вместе с тем и созидательную страсть революционной борьбы. «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» – скажет он. Эту же мысль поэтически выражал Пушкин, в частности, когда писал о природе. Та же созидательная сила свободной стихии изображена Пушкиным в стихотворении «Аквилон» (1824):

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник прибрежный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой –
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,

И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

Очевидно, описание природы как свободной стихии было не субъективным желанием Пушкина утвердить свободу в жизни, в том числе и в жизни природы, а, скорее, свободная стихия в природе помогала Пушкину уяснить абсолютный характер свободы в мире и более глубоко понять суть свободы. Пушкин и впоследствии неоднократно обращался к образу природы как символу свободы, например, в стихотворениях 1829 г. «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке».

Свобода, как стихия природы, не только творит в своем порыве новую действительность природы и не только свидетельствует человеку о всеобщности бытия, но и освобождает человека, так как человек не только упивается восторгом свободы, стоя на берегу моря или на утесе кавказской скалы, но и понимает, что как раз в стихии свободы проявляется его родство с природой. И если в стихотворениях, таких как «Аквилон», «Кавказ», «К морю», человек является какой-то почти метафизической точкой, стремящейся постичь всю силу природного движения, воспринять ее в себя, то в стихотворении «Когда порой воспоминанье...» (1830) мы видим созвучие двух равноценных миров, их слияние в единое целое:

Когда, людей повсюду видя,
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя, –
Тогда, забывшись, я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевою,
Где море теплою волной
На пожелтевший мрамор плещет...

Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров – берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И холодной пеною подмыт.

Различные аспекты свободы волновали Пушкина всю жизнь. Поняв свободу как условие истинной жизни человека и как мировую стихию, Пушкин, тем не менее, не решил до конца отмеченную нами проблему невосприимчивости современ-

ных народов к свободе. Но эта тема продолжала занимать его ум и душу. И если отмеченные выше формы реализации свободы приближали Пушкина к решению проблемы, утверждали необходимость свободы и личного стремления к ней, то все-таки оставался нераскрытым вопрос, каково же качество народной свободы? И если причиной народных движений может быть опыт свободы, действие героя или пример высоко нравственной личности, то главное качество народной свободы, та проба свободы, к которой народ неизбежно придет опять, коренится в духе народа. К такому выводу Пушкина приводило не только постижение культуры и стремлений народа, но и осмысление религии, так как дух – это прежде всего проявление божественной природы в человеке и народе. Обращение к духу народа сделало воззрения Пушкина более глубокими и содержательными, оно сделало его поэтическое творчество законченным. Добролюбов говорил, что истинно-художественное произведение должно находить перспективные ростки будущей жизни народа, и Пушкин нашел такие положительные ростки будущего в жизни народного духа. Вся наша русская литература и философия пошли по этому пути. Достаточно указать на Достоевского, который говорил о здоровом духе народа, не позволившему народу погибнуть в ужасных условиях материальной и духовной жизни, или на соответствующие произведения Л. Толстого, где народный дух как условие национального спасения был изображен с натуралистической наглядностью. В 1835 г. Пушкин написал на библейский сюжет (легенда о Юдифи) стихотворение «Когда владыка ассирийский...». Это было последнее стихотворение Пушкина, посвященное проблеме свободы.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, –
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь;
Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.

И, над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный –
И гнев в нем душу помрачил...
И свой совет разноплеменный
Он – любопытный – спросил:
«Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?..»
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
И рек – и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.

Характерно, что маленький народ божественным промыслом объединяется во имя свободы, образуя духовную целостность. Дух свободы не только утверждает личность и ее волю, не только движет героем, но еще и объединяет людей, а единый народ, объединение людей в органическое целое – задача и цель религии. В конечном итоге, говоря о свободе, нельзя не говорить о единении людей, и такое единение возможно только на почве и в стихии свободы. Однако свободен не всякий: истинная свобода предполагает высшие цели, осуществление добра, а в противном случае стремление к свободе может привести к рабству народа, к порабощению и разрушению личности. Как показывает творчество Пушкина, размышления на эту тему, особенно в последние годы жизни, у него были.